

Есть?

У Бо Хуая действительно есть тот, кто ему нравится?

И он, его лучший друг, ничего об этом не знает?

В груди Цзянь Сунъи вдруг словно застрял ком, и он недовольно вскинул бровь.

На другом конце караоке-кабинки Юй Цзыго продолжал наступать:

— И кто же это? Кто тебе нравится?

Все затаили дыхание в ожидании ответа.

Но Бо Хуай лишь откинулся назад, наполовину скрывшись в полумраке. Пальцы небрежно расстегнули еще одну пуговицу на его воротнике.

— А это уже следующий вопрос, — лениво обронил он.

В груди Цзянь Сунъи потяжелело еще сильнее. Нашел время набивать цену, всю интригу испортил. Скука смертная.

"Впрочем, не очень-то и хотелось знать. Мне вообще все равно."

Однако даже в туалете, смывая мыло с рук, он никак не мог выбросить это из головы. У Бо Хуая действительно кто-то появился?

Они ведь каждый день вместе, как он умудрился ничего не заметить?

И кто бы это мог быть?

Вряд ли из Наньчэна. Будь этот человек местным, Бо Хуай ни за что не смог бы утаить такое. Значит, они познакомились в Бэйчэне.

В принципе, вполне логично.

Уехал в Бэйчэн один, залечивать раны, совсем один, ни друзей, ни близких. И если в такой момент рядом оказался нежный, милый и заботливый Омега, неудивительно, что Бо Хуай не устоял.

Но почему он ничего ему не сказал? От этой мысли на душе у Цзянь Сунъи скребли кошки.

Он представил, как в следующем году они вместе поступят в университет в Бэйчэне, и Бо Хуай вдруг притащит к нему какого-нибудь очаровательного Омегу, заставит называть того «невесткой» и начнет безбожно миловаться у него на глазах, выставляя свои чувства напоказ...

От такого сценария внутри все окончательно скисло.

Но если все обернется именно так, сколько денег ему положить в свадебный конверт? И не прихватить ли с собой в Бэйчэн еще кого-нибудь за компанию? Все-таки Бо Хуаю, вечно одинокому, пойдет на пользу, если рядом будет близкий человек. А самому Сунъи не придется торчать при них третьим лишним.

И все же, как ни крути, на душе было паршиво.

У Бо Хуая появился секрет, которым он не пожелал делиться.

Цзянь Сунъи закрыл кран, вытянул пару бумажных полотенец и принялся рассеянно вытирать руки.

— Хорош тереть, кожу сотрешь, — раздался голос за спиной.

Цзянь Сунъи поднял голову и увидел в зеркале Лу Цифэна, который незаметно подошел сзади.

Лу Цифэн похлопал его по плечу с многозначительной ухмылкой:

— Стоило тебе выйти, как мы сыграли еще раунда четыре. И знаешь что? Бо Хуай ни разу не проиграл.

Цзянь Сунъи насупился:

— Хочешь сказать, это я приношу ему неудачу? Я что, по-твоему, ходячее несчастье?

—...

Лу Цифэн молча буравил его взглядом секунды три, а затем с глубоким вздохом скрылся в кабинке.

"Тот, кто умудрился влюбиться в Цзянь Сунъи, явно проклят до седьмого колена."

Когда Цзянь Сунъи вернулся в караоке-кабинку, очередной раунд как раз подошел к концу. На этот раз проиграл Чжоу Ло, а победителем снова вышел Юй Цзыго.

Градус веселья заметно вырос, а вопросы стали куда откровеннее. Юй Цзыго уже залез с ногами на диван и наседал:

— Чжоу Сяоло, внимание! Вопрос на засыпку: твой первый поцелуй еще при тебе?

Цзянь Сунъи уже открыл было рот, чтобы ответить за него: «Конечно при нем! Чжоу Ло клялся хранить верность, пока я не стану самым крутым Альфой на свете!»

Но Чжоу Ло вдруг густо покраснел и замямлил:

— Ну... это... если просто чмокнуть в губы... это считается за первый поцелуй?..

"А за что еще? За поцелуй в пятку?"

Цзянь Сунъи с каменным лицом опустил на свое место.

Бо Хуай лениво полулежал на диване, прикрыв глаза. Заметив возвращение друга, он спросил:

— Что за мина?

— Лицо человека, которого за один вечер предали дважды, — все так же холодно отозвался Цзянь Сунъи.

Бо Хуай приоткрыл глаза и искоса взглянул на него, пытаясь разгадать причину недовольства.

— Предали дважды?

— Мой лучший друг и мой лучший бро завели интрижки на стороне, а я узнаю об этом последним.

— И это всё?

— Тебе мало? — Цзянь Сунъи вскинул брови и смерил его ответным взглядом.

Ему действительно было обидно. Но за этой обидой больше ничего не крылось — по крайней мере, он сам так думал.

Бо Хуай отвел взгляд и не спеша выпрямился. Его пальцы легли на стаканчик для костей.

— Продолжим, — негромко произнес он.

Легкий взмах руки.

И на столе снова красуются пять единиц.

Цзянь Сунъи встряхнул свой стаканчик следом.

Пять шестерок.

...

Цзянь Сунъи всерьез засомневался, не превратился ли он в какого-то злого духа, высасывающего из Бо Хуая все жизненные силы и удачу.

Как назло, у остальных в этот раз кости легли удачно. Даже у Ян Юэ, занявшего предпоследнее место, набралось тринадцать очков.

Бо Хуаю прилетело целых восемь стопок штрафных.

Бокалы в караоке были приличными — в один легко помещалось больше половины пивной банки.

Цзянь Сунъи без лишних слов потянулся за свободным стаканом, одной рукой щелкнул банкой и налил алкоголь.

— Поделим пополам, — твердо заявил он.

Но Ян Юэ и Сюй Цзясин тут же зашумели:

— Брат Сун, так не пойдет! Мы тут только что честно осушили больше десятка стопок, никаких поблажек и замен!

Цзянь Сунъи проигнорировал их вопли. Он поднес бокал к губам и сделал глоток, но чужая ладонь мягко, но уверенно перехватила стекло.

Бо Хуай склонился к самому его уху и негромко, так, чтобы слышал только он один, прошептал:

— Я ведь говорил: детям нельзя пить и курить. Почему ты меня не слушаешь?

С этими словами он зажал пальцами край бокала, легко потянул его на себя и, запрокинув голову, осушил до дна за один раз.

В полумраке караоке-кабинки резкий свет выхватил точеный силуэт его шеи. Горло мерно дрожало с каждым сделанным глотком.

В этом молчаливом жесте сквозила какая-то дикая, почти осязаемая мужская притягательность.

Никакой пошлости, но Цзянь Сунъи вдруг поспешно отвел взгляд.

Он и сам не понимал, почему у него перехватило дыхание, но древний инстинкт Омеги настойчиво забил тревогу: не смотри. Перестань на него пялиться, иначе этот лис сожрет тебя без остатка.

Пока Цзянь Сунъи боролся с собственным смущением, Бо Хуай успел прикончить все восемь штрафных бокалов.

Он пил не спеша, с изяществом, без той неловкой суеты и хрипов, с которыми обычно пьют другие на спор.

Даже осушив столько алкоголя, он не потерял лица — лишь уголки его глаз слегка порозовели, выдавая легкое опьянение. Слегка потеряв переносицу, он спокойно произнес:

— Пока я еще соображаю, задавайте свой вопрос. А то потом не жалуйтесь, если я откажусь отвечать.

Юй Цзыго тут же засуетился:

— Точно-точно! Брат Сун, твой выход, спрашивай скорее!

Цзянь Сунъи только сейчас сообразил, что его пять шестерок дают ему право допросить проигравшего.

Но о чем спросить?

Узнать имя того, в кого он влюблен? При всех задавать столь личный вопрос было бы верхом бестактности. Цзянь Сунъи не хотел ставить друга в неловкое положение и давить на него.

Спросить, почему он скрыл от него свою влюбленность? Но тогда выйдет так, будто Сунъи слишком много о себе мнит. Глупо.

А что еще спрашивать? Он ведь и так знает о Бо Хуае абсолютно всё, вплоть до того, где у него на теле прячутся родинки. Какой смысл размениваться на мелочи?

После долгих раздумий в его памяти вдруг всплыл недавний кадр — то, как Бо Хуай запрокидывал голову, осушая бокал. И Цзянь Сунъи, повинувшись какому-то необъяснимому порыву, выпалил:

— Бо Хуай, как по-твоему, я красивый?

В последнее время он все чаще ловил себя на мысли, что Бо Хуай чертовски хорош собой. Раньше он тоже понимал, что тот привлекателен, но это было лишь сухим фактом. А теперь... теперь он то и дело ловил себя на том, что засматривается на друга, чувствуя, как внутри ускоряется пульс.

Ни один человек в мире еще не вызывал у него подобных эмоций.

Поэтому чисто ради справедливости ему нужно было знать: считает ли Бо Хуай его самого привлекательным? Ведь если нет, то и Цзянь Сунъи больше не станет считать Бо Хуая красавцем. Так будет честно.

Стоило ему озвучить вопрос, как все в кабинке дружно онемели. Ребята переглядывались с таким видом, будто хотели сказать: «Эй, мы тут вообще-то во взрослые игры играем, а не в детский сад!»

Бо Хуай не выдержал и тихо рассмеялся:

— Ты самый красивый. Красивее тебя никого нет.

— Не смейся! Чего тут смешного? Давай серьезнее!

Цзянь Сунъи и сам запоздало сообразил, какую глупость сморозил. Он поспешно напустил на себя суровый вид, пытаясь придать моменту хоть немного солидности.

Однако его предательский организм выдал его с головой: от смущения у Сунъи всегда краснели уши. Бо Хуай со своего места отлично видел, как аккуратные, светлые ушные раковины друга мгновенно налились пунцовым цветом.

"Ну как можно быть настолько очаровательным? — пронеслось в голове у Бо Хуая. — И вопросы у него под стать ему самому — детские и донельзя милые."

— Ладно, не смеюсь, — Бо Хуай примиряюще поднял ладони, хотя в его глазах все еще плясали веселые искры. — Я предельно серьезен. Ты у нас самый красивый.

Несмотря на заверения, во взгляде Бо Хуая читалось столько нежности и покровительства, что Цзянь Сунъи почувствовал себя маленьким ребенком, которого просто пытаются задобрить.

Вдобавок ко всему, остальные ребята уставились на него с немым укором, который так и читался на их лицах: «Мы знали, что ты самовлюбленный, но не до такой же степени!»

Цзянь Сунъи мысленно застонал от стыда. Он ведь даже не пил сегодня, с чего вдруг у него так закоротило мозги?

Раньше он никогда не вел себя так глупо. Но стоило Бо Хуая вернуться, как Сунъи начал то и дело садиться в лужу.

«Терпеть его не могу», — сердито подумал он.

Чувствуя, как уши буквально пылают, он резко поднялся с дивана:

— Я отойду в уборную.

Сюй Цзясин искренне изумился:

— Брат Сун, ты же только что оттуда! Неужели в твои-то годы уже проблемы с...

Бо Хуай поднялся следом и, по-хозяйски закинув руку на плечо Цзянь Сунъи, слегка навалился на него, притворяясь сильно пьяным. Он бросил на Сюй Цзясина короткий, леденящий душу взгляд:

— Он меня провожает. Вопросы есть?

У того от этого тона мгновенно пробежал холодок по спине:

— Никаких вопросов, господин Бо. Рад помочь.

Цзянь Сунъи ворчать не стал — просто позволил обнять себя за плечи, и они вместе вышли в коридор.

На повороте они нос к носу столкнулись с возвращавшимся Лу Цифэном.

Тот окинул их парочку понимающим взглядом, заговорщицки подмигнул, похлопал Бо Хуая по свободному плечу и молча пошел дальше.

— И что это сейчас было? — недоуменно спросил Цзянь Сунъи.

Бо Хуай привалился к нему еще сильнее, словно ему действительно нездоровилось.

— Без понятия. Наверное, у него не все дома. Ох... кажется, меня все-таки развезло.

Цзянь Сунъи недовольно проворчал:

— Сам виноват. Сложно было поделиться? У меня вообще-то переносимость алкоголя получше твоей будет. И зачем было весь удар на себя принимать? Ума не приложу.

Не успел он закончить свою тираду, как ноги Бо Хуая подкосились. Цзянь Сунъи инстинктивно дернулся, чтобы удержать его, но Бо Хуай как-то неувовимо перехватил инициативу, и в следующую секунду Сунъи оказался прижат спиной к холодной стене коридора.

Бо Хуай обнимал его за шею, вторая рука безвольно покоилась на талии Омеги, а лицо уткнулось прямо в изгиб плеча.

— Я правда перебрал... Позволь мне просто постоять так немного, прийти в себя. Ладно?

Голос его звучал тихо, почти жалобно, с едва уловимыми просящими нотками.

Слышал ли Цзянь Сунъи когда-нибудь от этого гордеца подобный тон? И разве мог он теперь оттолкнуть его?

Вот только как помочь другу устроиться поудобнее, он не представлял. Сунъи замер, вытянувшись в струнку, не зная, куда деть руки, пока теплое дыхание Бо Хуая щекотало его шею.

Внутри все горело. «Что за безумие? На дворе начало сентября, а они тут отопление на полную врубили? Дышать же нечем!»

Духота и жар окутали его с головой.

Так они и стояли: один не хотел шевелиться, другой — просто не смел.

Время, казалось, замедлило свой ход.

Когда Цзянь Сунъи уже решил, что Бо Хуай заснул на его плече, тот негромко произнес:

— Цзянь Сунъи. Мне действительно кое-кто нравится.

— М-м? А-а... Ну, поздравляю. Желаю поскорее добиться взаимности.

Цзянь Сунъи изо всех сил старался говорить ровно и непринужденно, как и подобает настоящему лучшему другу, примерив на себя роль бездушного генератора поздравлений.

"Что ж, ловлю на слове."

Уткнувшись лбом в плечо Сунъи, Бо Хуай прятал лицо, пока на его губах играла горькая и нежная улыбка.

— Цзянь Сунъи, ты все-таки непроходимый дурак.

— Что?!

Сунъи тут же уперся ладонями ему в грудь и бесцеремонно оттолкнул от себя:

— Все, дружбе конец! Можешь забыть мой номер, мы больше не бро!

Бо Хуай легко выпрямился и с абсолютно бесстрастным лицом парировал:

— Вот и отлично. Я тоже давно мечтал завязать с этим братством.

Развернувшись, он нетвердой походкой направился к дверям мужского туалета.

Цзянь Сунъи привык к их постоянным пикировкам, поэтому не стал копаться в причинах этой вспышки и уж тем более не принял слова друга близко к сердцу.

Обиды обидами, но оставлять пьяного без присмотра было нельзя. Сунъи быстро нагнал его, подхватил под руку и ехидно поинтересовался:

— Справишься там? Тебе помощь с физиологическими процессами не нужна? Если что, могу поддержать.

Бо Хуай резко затормозил у самого входа, обернулся и, прищурив глаза, медленно оглядел его с ног до головы:

— И что именно ты собрался держать, если я сам не справлюсь?

— Что надо, то и поддержу.

— Ладно. Заходи, держи.

Сказано это было с полнейшим, абсолютным спокойствием.

Цзянь Сунъи лишился дара речи.

«Твою же мать...»

Напился — и сразу все рамки приличия растерял? Откуда в нем столько бесстыдства? Обиднее всего было то, что перещеголять его в пошлости у Сунъи не вышло.

Сгорая от стыда, он поспешно отступил назад в коридор:

— Обойдешься. Я вообще-то Омега, мне не положено в туалет к Альфам заходить. Давай сам как-нибудь.

Бо Хуай негромко рассмеялся. С такой тонкой душевной организацией только и отпускать двусмысленные шуточки. Дразнить умеет, а как доходит до дела — сразу в кусты. Рано или поздно за это придется расплачиваться.

Улыбаясь своим мысленным образам, Бо Хуай открыл кран и подставил ладони под струю ледяной воды, пытаясь окончательно прийти в себя. На самом деле алкоголь почти не подействовал на его разум — он лишь хотел взять небольшую паузу и разложить все по полочкам.

Он сомневался, не поторопился ли, признавшись, что у него кто-то есть.

Хотя Цзянь Сунъи до мозга костей считал себя непрошибаемым Альфой, между ними уже давно витало нечто большее, чем просто дружба. Возможно, пришло время подтолкнуть его к осознанию того, какими на самом деле могут быть их отношения.

И какова была реакция? «Поздравляю»?

Он, доминантный Альфа, из кожи вон лезет, пытаясь соблазнить одного конкретного Омегу, а

тот даже бровью не ведет, оставаясь непробиваемым, как стена.

И кто тут, спрашивается, виноват?

Бо Хуай усмехнулся собственной неловкости.

"Может, плюнуть на все и пойти проверенным путем — пустить в ход чистое обаяние?"

С этой мыслью он небрежно ослабил воротник рубашки и вышел в коридор.

Цзянь Сунъи по-прежнему ждал его, прислонившись к стене и крутя что-то в пальцах.

Заметив Бо Хуая, он молча перехватил его левое запястье и уверенным жестом завязал на нем шнурок:

— Надень и не снимай. А то с твоим везением и упрямством ты точно сегодня напьешься до беспамятства. У меня на завтра куча планов, и возиться с твоей похмельной тушкой я не собираюсь.

"На завтра куча планов..."

Бо Хуай невольно улыбнулся и опустил взгляд на свою руку.

На запястье красовался аккуратно сплетенный черный шнурок с нанизанными на него бусинами обсидиана, а в самом центре поблескивал гладкий, полупрозрачный пренит. На поверхности камня виднелась гравировка.

Присмотревшись, Бо Хуай понял, что это не целое слово, а лишь его половина, аккуратно разделенная ровно посередине.

Точно такой же браслет украшал правое запястье Цзянь Сунъи.

Бо Хуай вопросительно взглянул на друга, ожидая объяснений.

Цзянь Сунъи явно смутился. Избегая прямого взгляда, он принялся увлеченно перебирать бусины на своем браслете.

— Этот пренит... я вчера купил его в Храме Великого Пробуждения. Старый монах сказал, что этот камень приносит удачу. И если взять два одинаковых пренита, разделить имена двоих людей пополам и высечь их на камнях, то можно поделиться своей удачей с другим...

Он торопливо вскинул глаза, заметив, как дрогнули уголки губ друга:

— И не надо смеяться! Слышишь, даже не вздумай! Сам знаю, что это глупые суеверия. Но просто... тебе ведь и правда катастрофически не везет. А у меня этой удачи вагон и маленькая тележка — даже скучно жить, никакого вызова. Вот я и решил отсыпать тебе немного, чтобы у нас обоих все уравновесилось.

— И не смей говорить, что он девчачий или некрасивый! Я вчера весь вечер маму уговаривал, чтобы она помогла его сплести... Оказалось, это жутко сложная штука, я сколько ни бился, так и не смог научиться. Так что тут и ее тепло вложено. Если не брезгуешь — носи.

— К тому же, вдруг сработает? Вдруг эта безделушка действительно передаст тебе часть моего везения? Попытка не пытка. Так что... почему бы не попробовать? Снять всегда успеешь.

— Бо Хуай, я ведь без всякого умысла... Просто хочу, чтобы после своего восемнадцатилетия ты был счастливее. Чтобы тебе наконец-то начало везти. Ты отличный парень, и жизнь не должна быть к тебе так сурова. Пожалуйста, не издевайся над моей верой в чудеса. Просто поверь мне хотя бы раз. Ладно?

Бо Хуай никогда не встречал людей, способных произносить столь трогательные слова с таким напускным раздражением. В этот момент ему до безумия захотелось обнять этого глупого мальчишку, прижать к себе и больше никогда не выпускать.

Он был абсолютно прав: Цзянь Сунъи действительно непроходимый дурак. Ведь только круглый дурак станет безвозмездно отдавать собственное везение другому.

Бо Хуай опустил взгляд, бережно поглаживая подушечкой пальца гладкий пренит:

— Я не смеюсь.

В конце концов, он и сам был хорош — разве не он с замиранием сердца выводил на красной ленточке пожелание в храме: «Хочу быть с тобой рука об руку из года в год»?

В семнадцать лет мир кажется удивительно понятным, но на деле ты еще ничего не смыслишь в этой жизни.

Кажется, будто тебе море по колено, и стоит только захотеть — весь мир склонится перед тобой.

Но в то же время ты слишком юн и неопытен, и перед лицом настоящих трудностей часто оказываешься беспомощным. И тогда тебе остается лишь упрямо и неуклюже цепляться за любые средства, даже самые нелепые и наивные.

Но разве это плохо? Пока мы молоды и готовы расшибиться в лепешку ради тех, кто нам дорог, судьба рано или поздно уступит.

Бо Хуай поднял левую руку, вглядываясь в половинку имени, выгравированную на прените, и уверенно улыбнулся:

— Знаешь, я тоже верю, что мои восемнадцать лет будут счастливыми.

"Особенно если мне удастся завоевать твое сердце. Большого везения мне и не нужно."

<http://bllate.org/book/20583/2209058>